

Жозефина Бейкер
Фото Keystone

Мулен Руж, Париж, 2001-2006 гг.

Сар Джара за 1977

Олег Изосимов
в "Лидо"

БОН НЕЖНА

БАТМАН- АНЕКДОТ

И, хотя сегодня популярность этих мест несколько поблекла, они продолжают манить поклонников всякого рода ночной "клубнички". Еще не перевелись обожатели перьев, блесок, обнаженных женских ножек и тех танцев, которые когда-то сводили с ума старушку Европу.

"Мулен Руж", "Фоли-Бержер", "Лидо" — эти кабаре, кажется, выбрали в себя все легкомыслие, блеск и пряность Парижа. Слава этих шумных оазисов разврата была когда-то феерической. Сюда съезжались со всего мира миллионеры, авантюристы, художники. Здесь, под дробь канкана, в сигарном дыму, запивая омаров ледяным шампанским, пытались утопить в черноте парижской ночи серую прозу жизни. Здесь искали нежности, приключений, любви.

Здесь есть все: уникальные люстры и бра, семь тонн управляемых прожекторов, четыре многоцветные лазерные установки, новейшая система воспроизведения звука и, конечно, шампанское, не говоря о танцах, цирковых номерах, пении... Правда, когда два года назад "Лидо" побывало в столице, особого впечатления это мюзик-холльное предприятие не произвело.

Грязно, но весело

Все началось в середине девятнадцатого века, когда на Монмартре, вдали от центра Парижа, один за другим стали возникать всевозможные увеселительные заведения: сады, тиролы, танцевальные залы. Здесь было грязно, вульгарно, но весело. Тут смешивались запахи пота, дешевых духов и горячего железяния.

Ночи напролет в этих Садах, или, как их называли, Бадах, в поисках дешевой любви и удовольствия кружились матросы, белошевки, рабочие, проститутки, сутенеры, светские щеголи. Среди танцев наибольшей популярностью пользовалась деревенская кадриль. По тем временам это было нечто суперэротичное. Когда девушки, высоко задирая ноги, выставляли на голодное обозрение кавалеров горячую плоть, укутанную кружевами. И мало кто из мужчин мог устоять перед этим соблазнительным шоу.

Красная мельница

Но на феерической популярности канкана это не отразилось. И вплоть до начала века парижская жизнь без него уже немислима. Канкан становится и главной приманкой самого знаменитого парижского кабаре того времени — "Мулен Руж".

Вакханалия богов

Среди "неустоявших", потрясенных жизне-радостной кадрили оказался и композитор Жак Оффенбах. 21 октября 1858 года в театре "Буфф Паризьен" Оффенбах представил зрителям свой первый опереточный шедевр — "Орфей в аду". Именно в тот день родился новый театралный жанр — оперетта, а вместе с ней и новый танец — канкан, позаимствованный у деревенской кадрили.

Канкан обрушился на зрителей в финале "Орфея". Сам композитор назвал этот эпизод "вакханалией богов", когда небожители под бойкую наступательную мелодику прыгали по сцене в бешеном галопе. Как оказалось, олимпийские боги тоже любят вкусить от греховных угод, а тот танец, что они отплясывали, кипел и пенился сексуальной энергией. Тогда канкан исполнялся несколько иначе, чем впоследствии, танцовщицы шли бурлящей шеренгой не на зрителя, а друг на друга. Выдержать подобное энергетическое наступление артистов было непросто.

Правда, в день премьеры публика новым зрелищем не вдохновилась. Стремительные ритмы, в которых слышались темы надвигающегося двадцатого века, пока еще настораживали. А официальная критика разгромила и Оффенбаха, и канкан, причислив танец к разряду неотребных.

Но на феерической популярности канкана это не отразилось. И вплоть до начала века парижская жизнь без него уже немислима. Канкан становится и главной приманкой самого знаменитого парижского кабаре того времени — "Мулен Руж".

Бешенство ног

Энергия, конечно, была необходима для исполнения этого бешеного танца, когда женщины и мужчины скачут козлами, задирая ноги выше головы. Но нужны здесь еще и фантазия, и артистизм. Известная канканерка Маргарита Ригольбош вспоминает: "Чтобы танцевать канкан, надобно иметь совсем особый темперамент, исключительный дух, тут нельзя ограничиваться воспроизведением составленной по правилам фигуры. Тут надобно изобретать, творить. Канкан — это сумасшествие ног. Когда я танцую, мною овладевает род помешательства: я забываю все... Музыка сжимается в моей груди, бросается в голову, как пары шампанского. При последней ноте ритурнели я в оцепенении. Тогда иступление становится беспримерным. Мои руки в безумии, ноги тоже. Мне нужно движение, шум, содом; это род какого-то сотрясения, переливающегося из ног в голову. Все волнуется

Всемирной выставки 1889 года. Над всем этим возвышалась деревянная мельница с крыльями красного цвета, созданная декоратором Леонам-Адольфом Виллеттом. Она и дала название знаменитому кафе.

Здесь собирались люди среднего класса, но, случалось, вкушать от праздного веселья заходили аристократы и даже члены королевских семей. Посетителям предлагался микс из танцев, шансона, цирковых номеров. Все это кипело, бурлило, пенилось, вызывая восторг публики. Но один номер вызывал особый энтузиазм у публики. С ним выступал артист Ле Петоман, который на глазах у восхищенных зрителей исполнял известные музыкальные произведения при помощи собственной задницы.

Обжора, Бескостный и Динамит

В 1890 году здесь дебютировала 19-летняя танцовщица, уроженка Эльзаса Луиза Вебер. Очень скоро она становится самой яркой звездой "Мулен Руж", его порочным и притягательным символом. По традиции монмартрских бабов она получила кличку, Ла Гулю — Обжора. Потому что любила, подсев за столики к посетителям кабаре, вкусно поесть и выпить за их счет. Ла Гулю пользовалась оглушительным успехом, она была вульгарна, чувственна и пикантна. От ее канкана ходило много слухов и зрительный зал. Казалось, еще секунда, и все рухнет от бешеной дробью ее сильных, крепких ног. В ее канкане современникам слышались оружейные выстрелы. Это был не танец, а битва. Луиза оказалась не только мощной исполнительницей, но и не лишеной фантазии танцовщицей. Она придумала свой собственный вариант канкана. Вращаясь в танце, Луиза отводила ногу в сторону, потом брала ее за стопу и поднимала над головой. А затем с душераздирающим криком падала на шпагат.

Другим знаменитым персонажем "Мулен Руж" и партнером Ла Гулю был Валантен Реноден, прозванный Ле Дезосе — Бескостный. По утрам он работал слугой в маленьком кафе, а по вечерам становился героем кабаре. В жизни нечелюдый, на сцене Валантен преобразился. Его мрачность исчезла, и он являлся искромлетным танцором, поражающим пластикой змеи и утонченностью манер. Еще одной звездой "Мулен Руж" была Джейн Авриль, которую публика прозвала Мелинит — Динамит, а критики называли воплощением танца. За болезненной внешностью этой женщины скрывалась невероятная энергия, поразившая посетителей "Мулен Руж".

В 1890 году здесь дебютировала 19-летняя танцовщица, уроженка Эльзаса Луиза Вебер. Очень скоро она становится самой яркой звездой "Мулен Руж", его порочным и притягательным символом. По традиции монмартрских бабов она получила кличку, Ла Гулю — Обжора. Потому что любила, подсев за столики к посетителям кабаре, вкусно поесть и выпить за их счет. Ла Гулю пользовалась оглушительным успехом, она была вульгарна, чувственна и пикантна. От ее канкана ходило много слухов и зрительный зал. Казалось, еще секунда, и все рухнет от бешеной дробью ее сильных, крепких ног. В ее канкане современникам слышались оружейные выстрелы. Это был не танец, а битва. Луиза оказалась не только мощной исполнительницей, но и не лишеной фантазии танцовщицей. Она придумала свой собственный вариант канкана. Вращаясь в танце, Луиза отводила ногу в сторону, потом брала ее за стопу и поднимала над головой. А затем с душераздирающим криком падала на шпагат.

Другим знаменитым персонажем "Мулен Руж" и партнером Ла Гулю был Валантен Реноден, прозванный Ле Дезосе — Бескостный. По утрам он работал слугой в маленьком кафе, а по вечерам становился героем кабаре. В жизни нечелюдый, на сцене Валантен преобразился. Его мрачность исчезла, и он являлся искромлетным танцором, поражающим пластикой змеи и утонченностью манер. Еще одной звездой "Мулен Руж" была Джейн Авриль, которую публика прозвала Мелинит — Динамит, а критики называли воплощением танца. За болезненной внешностью этой женщины скрывалась невероятная энергия, поразившая посетителей "Мулен Руж".

вместе с Жаном Габеном в фильме "Зузу". Ее приглашал в свой театр выдающийся немецкий режиссер Макс Рейнхардт. Во время Второй мировой войны Бейкер была участницей Сопротивления. Вместе со своим мужем, музыкантом Жо Буйоном, Жозефина усыновила и воспитала двенадцать детей-сирот разных национальностей со всего мира.

На сцене Жозефина появлялась почти обнаженной. Она была столь хороша, что не нуждалась ни в каких украшениях — на ней были лишь боа из перьев, нитка жемчуга и ее знаменитая связка бананов на бедрах.

Циклон вуалей

Это, конечно, сильно. И если такое безумие обрушивалось на исполнительницу, то что же говорить о зрителях!

Для одних — вечер в кабаре был всего лишь эпизодом, а для других — ежедневной жизнью. Которая начиналась поздно вечером, а заканчивалась рано утром, и так изо дня в день. Ночное веселье пьянило, как наркотик, затягивало в свой стремительный водоворот, не отпускало. Среди этих, отравленных сладким ядом кабаре, — художник Анри де Тулуз-Лотрек. На его живописных полотнах и афишах — веселящийся ночной Париж. Артисты, певцы, цирковые акробаты. В портретной галерее художника — танцовщица Марсель Лендер, женщина-клоун по прозвищу Ша-Ю-Као, высокомерный Валантен, Джейн Авриль, к которой художник питал искреннюю симпатию, феерическая Ла Гулю и даже основоположница танца-модерн, легендарная американка Лои Фуллер. Художник увидел ее в "Фоли-Бержер" и был, как многие его современники, потрясен ее серпантинным танцем. Когда изобретательно закутанная в ткани и высветленная специальными прожекторами Фуллер являлась перед зрителями то цветком, то бабочкой. Эдмон де Гонкур сравнивал ее танец с "циклоном вуалей, освещенных то багровым закатом, то бледным восходом солнца". Вспоминая об одном из своих выступлений, Фуллер писала: "Мое платье было таким длинным, что я почти наступала на него. Поэтому я автоматически обеими руками подхватывала его. И так, с поднятыми руками, я порхала по всей сцене, как крылатая фея... В зрительном зале раздались восторженный крик: "Бабочка!" Бращаясь, я быстро передвигалась по сцене. "Орхидея!" — раздался другой крик".

Лотреку Лои Фуллер напоминала Нику Самофракийскую, крылатую статую греческой богини, хранящуюся в Лувре. Такой, всю в вихре танца и ткани, он и запечатлел ее на картине "Лои Фуллер в "Фоли-Бержер".

80 долларов за сказку

Что касается нарядов и всевозможных сценических эффектов, то они давно стали основными завлекалками всевозможных мюзик-холлов и варьете. Так, парижское "Лидо" (его название заимствовано у знаменитого венецианского пляжа), бывшее когда-то прозаической баней с бассейном, водолечебницей и казино, теперь потрясает воображение приехавшими длинными ногами танцовщицами и тонкими сценическими бижуте-риями.

Шоу Черной Жемчужины

А что касается канкана и его горячих представительниц, то скоро на смену этому вакхическому водопаду придут другие танцы и иные кумиры. Так, в 1925 году на мюзик-холльном небосклоне Парижа вспыхивает черная звезда — Жозефина Бейкер. Она родилась в Америке, в Сент-Луисе, в бедной негрятинской семье, с детства мечтала стать артисткой, выступала в мюзик-холлах Бродвея, а затем в составе негрятинского ревю "Черные птицы" приехала в Париж и покорила этот самый капризный город мира.

Ее выступления потрясли изумительной непосредственностью. Жозефина пела, танцевала, вертелась, куврыкалась, гримасничала, напоминая сказочного чертенка. Так, в финале своего номера она убагала на четвереньках, с задранной выше головы, как у молодого жирафа, задом. И при этом комизме она была необыкновенно эротична. Гибкая, как змея, с поющими руками, с жарким блеском глаз и с кошкой цвета кофе с молоком, она притягивала внимание всего зала. И как Жозефина танцевала чарльстон! Так не танцевал никто. Казалось, в ее ногах поселился веселый бес, который и руководит ее танцем. Один из критиков, описывая выступление Бейкер, восклицал: "Это не женщина, это не танцовщица — это нечто непостижимое, такое же восхитительное, как сама музыка".

Что можно еще добавить к портрету этой забытой сегодня легенды? В 1935 году Жозефина снялась

В 1959 году во время визита советского лидера Никиты Хрущева в США ему стремились показать все прелести американской действительности. Однажды Никиту Сергеевича пригласили на экскурсию в Голливуд, где снимался фильм "Канкан" с участием Фрэнка Синатры, Ширли Маклейн и Джулиет Прауз. Если Синатра и Маклейн были уже суперстар, то Прауз еще не была достаточно известна. Снимался эпизод, где Прауз, лихо поднимая юбки и ноги, бьет канкан. Все это чудо в перьях увидел советский генсек. И чуть погодя, отвечая на вопросы журналистов по поводу увиденного, сказал, что канкан — это аморальное зрелище и что в "человеке более всего привлекательно лицо, а не другие части тела". Этот шедевр Хрущева обошел все американские газеты, а Прауз мгновенно стала знаменитостью. Вспоминая об этом эпизоде, артистка призналась, что была удивлена ответом Хрущева, так как, по ее словам, во время танца он все время улыбался. Впрочем, добавляет Прауз, надо признать, "что канкан — это все-таки... не совсем "Лебединое озеро".

— Потому что это очень старое шоу, ему уже семь лет, — рассказывает цирковой артист Олег Изосимов, работающий в "Лидо" по контракту. — Нужны новые номера, новые режиссерские и хореографические идеи. К тому же "Лидо" в Париже — это фантастическая техника, сцена в считанные секунды может превратиться в огромный вольер для диких животных, ледяной каток или живой фонтан. Чего, конечно, москвичи не видели.

— А как проходит отбор танцовщиц в труппу "Лидо"? — Проходят кастинги, где смотрят и на вышние данные, в труппе не может быть девушки ниже 1,7 м, и на хореографические способности конкурсанток. В балете около семидесяти человек. И мы все в хороших отношениях, встречаемся на общих вечеринках, отмечаем дни рождения. Знаем мы и артистов "Мулен Руж", они тоже приходят на наши пати.

— Разве между "Лидо" и "Мулен Руж" нет конкуренции? — Она есть между дирекцией, но не между артистами.

— Сколько стоит билет в "Лидо"? — Если только посмотреть — 80 долларов, а с ужином дороже. Приходят в основном туристы, настоящего француза в "Лидо" редко увидишь. А по популярности среди туристов "Лидо" идет сразу за Эйфелевой башней. Сегодня в "Лидо" нет того накала страстей, эротизма, чувственности, которые кипели здесь когда-то, но зато есть роскошная сказка из перьев, блеском и шелка. Сюда приходят, чтобы увидеть Париж, о котором когда-то читали, видели в кино или мечтали.

А возможно, и за тем, чтобы при свете мюзик-холльной иллюминации, разрывающей черный бархат парижского неба, броситься в объятия приключений, нежности и любви. Почти как у Джона Китса: "И я уже с тобой. Как ночь нежная..."

Анри де Тулуз-Лотрек. Труппа мадам Эглантин. Литография, пастель.